

Существительное *любовь*, непосредственно соотносясь в настоящее время с глаголом *любить*, выделяет суффикс *-овь*. Этот же суффикс выделяется и в слове *свекровь* (ср. *свекор*, *свекруха*, а также диалектное *свекры*). Однако известно, что современное *-овь* в существительных этого типа, относящихся некогда к основам на согласный, восходит к праславянскому *-ы*.

Следовательно, современный и этимологический анализы структуры и состава слов в данной и предыдущей рубрике полностью совпадают.

Т р е т и й с л у ч а й. В результате операции по методу НС получаем в остатке суффикс, участвовавший в образовании данного слова, но воспринимаемый в настоящее время с иной акцентологической потенцией. Так, ударение производных с сингулятивным суфф. *-ин(а)* зависит обычно от акцентной кривой производящих существительных. Если последние имеют кривую А, они передают ее соответствующим производным: *рыба* (в собирательном значении) — *рыбина*, *конфёты* — *конфётина*. Если производящим существительным свойственны иные акцентные кривые, в образованиях с данным суффиксом ударение падает на суффиксальный гласный: *кирпич* (кривая В) — *кирпичина*, *жёрди* (кривая С) — *жердьина*, *солны* (кривая Д) — *солнына*. Сравнивая теперь ударение в сингулятиве *деревина* с акц. кривой существительного *дерево* — *дерёвья*, видим, что оно не подходит под это правило, как будто бы даже разрушает его, создает иллюзию отражения каких-то иных закономерностей. На самом деле все объясняется перипетиями в истории формы мн. ч. указанного существительного. Принадлежа в древнерусском языке к основам на согласную, оно должно было иметь во мн. ч. форму *деревеса*. (В «Материалах» И. И. Срезневского зафиксировано только *древеса*.) Впоследствии оно перешло к склонению на *о* и получило форму мн. ч. *деревá* (по типу *мѣсто* — *мѣстá*, кривая С), к которому собственно и восходит рассматриваемый сингулятив. Эта форма, впервые зарегистрированная (параллельно с формой *дерёвья*) в Слов. Акад. 1790 г., и доньше широко употребляется в говорах и в просторечии.

Ч е т в е р т ы й с л у ч а й. Вычитание Б из А приводит к выделению суффикса, принимавшего непосредственное участие в образовании данного слова, но воспринимаемого ныне как носитель других экспрессивно-стилистических свойств. Например, производное *година* 'год' от *год* в том же значении (с экспрессивным суфф. *ин-а*) в «Толковом словаре русского языка» Д. Н. Ушакова относится к поэтическим. На этом основании, казалось бы, можно охарактеризовать суфф. *-ин(а)* как относящийся производное к строгому стилю. Однако ореол «поэтичности», а скорее «лжепоэтичности» появился у этого производного под влиянием не суффикса, а параллельного образования *година* в значении 'пора, время, ознаменованное какими-либо важными событиями', действительно являющегося «высоким» в силу особенностей его истории.

П я т ы й с л у ч а й. В результате операции А минус Б получаем в остатке суффикс, который непосредственно участвовал в образовании данного производного, но воспринимается сейчас в другом значении. Например, если рассматривать существительное *мори́ца* в сопоставлении с единственно возможным в данном случае для современного языкового сознания производящим глаголом *мори́ть*, то следует признать в нем наличие суфф. *-ин(а)* с предметным значением. Между тем оно образовано от существительного *мы́рска* (сербск. *мрска*, в.-луж. *smorsk*) с той же семантикой при помощи суфф. *-ин(а)*, но не с предметным, а экспрессивным значением (по типу *дол* — *долина*, *купец* — *купчина*).

Последний может транссемантизироваться и в другом плане. Сочетаясь в древнерусском языке с существительным ед. числа *хоро́мъ* 'дом' (не остана ни хоро́ма, Новг. 1 л. 6725), этот суффикс служил для придания ему большей выразительности (Аще кто выль́заше ис хоро́мины, Пов. вр. л. 6600 г.). Как известно, современному русскому языку известна толь-